
ГРИГОРИЙ ГРИГОРЯНЦ

МИФ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Анализ литературы по проблемам политологии за последние 10 лет показывает, что понятие "мифа" прочно вошло в научный обиход. Исследователи углубляют понимание термина: понятие "миф" (предание, сказание), первоначально имеющее функцию культурно-религиозного воспитания, значительно расширилось в связи с его употреблением в сфере управления и политики. Так, А. Чернышев, рассматривая культурную модель отношения к политическим явлениям, вводит понятие "мифологической рефлексии", цель которой присвоить или отвергнуть существующий миф (1). Архетип героя, эмоциональная нагрузка восприятия информации, морально-этические ценности, связь с традициями, учет парадигм общественного сознания и другие характеристики мифа осознанно или подсознательно стали применяться политическими лидерами и пропагандистской машиной в целях привлечения общественного сознания на свою сторону и укрепления власти. Можно предположить, что мифотворчество и распространение мифа является самым действенным рычагом политических манипуляций. При этом не только создаются новые мифы, но широко используются прежние - памятные в истории народа даты, святые для данной нации имена, символы и реликты, религиозные ритуалы, общечеловеческие архетипы и пр. при соответствующей расстановке акцентов могут служить политическим целям.

Привнесение мифологических элементов в политические убеждения, стереотипы и установки объясняется тем, что они, во-первых, придают информации характер абсолютной ценности.

При прочих равных условиях информация, включающая традиционно-религиозное содержание, принимается без видимого внутреннего сопротивления. Так, в президентской кампании В. Путина, наряду с другими факторами, существовал религиозный фактор (патриархия поддержала будущего президента). Во-вторых, мифологические элементы несут эмоциональную нагрузку, придавая сухой информации душевность. Так, Гитлер внушал миф о немецкой нации, играя на национальной самооценке. Прежде чем вникать в сущность фашизма, надо понять почему немцам во время гитлеровского правления стали чрезвычайно приятны популярные рассуждения о собственной исключительности. Через вышеуказанные характерные элементы, миф о национальном превосходстве немцев усиливал необходимое воздействие на общественное сознание.

Аналитически миф состоит из следующих составляющих: идей, сюжетов, представлении, установок, стереотипов, убеждений, взглядов, мировоззренческих позиций, отношений и пр. *Но для того, чтобы эти составляющие приняли характер мифа, им необходимо придать характер абсолютной ценности и эмоционально нагрузить.*

Особенно ясно проявляется роль и значение мифа при радикальных трансформациях, когда правящим кругам необходимо, сохраняя авторитет на политической сцене, изменить мировоззренческие установки общества. Сила мифа настолько велика, что даже можно использовать не миф, а *антимиф*, и при этом добиться желаемого результата.

Миф имеет свойство постоянно возобновляться при соответствующих условиях, например, когда властным структурам необходимо отвлечь внимание общества от конкретных проблем. Так, миф о всемирном еврейском заговоре с целью завоевания евреями мира время от времени появляется как инструмент социального влияния, затем на определенный период затухает. Аналогично с идеей масонства — она выбрасывается на

политическую арену, например, если оппозиционные силы намереваются убрать того или иного политического лидера ("он — масон"). Следовательно можно выявить тип постоянно возобновляющегося мифа — нового мифа, возрождающего старый миф в соответствии с целями определенного момента.

Однако могут существовать и совершенно новые мифы. К примеру, один из современных мифов, не встречающийся ранее в истории, заключается в том, что нет харизматических лидеров. Харизма нивелируется, происходит её рутинизация и упрощение, переход особенности в будничность. Политический лидер — обычный "хороший парень", а главное — такой как мы все. Так происходит десакрализация мифа и сведение его к обыденному сознанию.

Таким образом, можно выделить 3 способа использования мифа: новые мифы, возобновляющиеся мифы (старые мифы или мифологические символы в новом "одеянии") и антимифы.

Можно привести примеры различных вариантов создания мифов, в которые вплетены древнейшие архетипы человеческой психики. Например, для того, чтобы вызвать садистическую агрессию у американцев во время вьетнамской войны применялись мифы с прямыми фантазиями. Солдат спрашивали перед боем: "Что вы сделаете, если вернувшись домой увидите, что кто-то совершает насилие над вашей матерью?" Прimitивная и прямая апелляция к бессознательной вине и архетипу матери как абсолютной ценности вызывала агрессивные импульсы у солдат (2). Это — наиболее простой тип мифотворчества с использованием прямых имажинативных аналогий. Сложный тип мифотворчества использует косвенные аналогии, создавая "реальность" на основании логических суждений и аргументаций.

На протяжении всего своего существования пропагандистская машина Советского Союза использовала всю свою мощь для пропаганды веры в миф о коммунизме — безальтернативном счастливом будущем, ради которого следовало идти на любые

лишения и жертвы. Однако по мере того как цель отодвигалась и становилась туманной и недостижимой, Хрущевым был придуман антимиф — о достижении поколения 60 годов коммунизма через двадцать лет. Столь прямолинейное "заземление" мифа антимифом оказалось убийственным для самого мифа. В результате последний оказался вытесненным из политической арены после развала СССР, уступив место другим мифам, которые взяли на вооружение вновь возникшие страны бывшей империи. Но даже в самих крайних утопических формах миф выполняет функцию социального конструирования реальности и укрепления социального порядка. Так, хотя миф о коммунизме носил явно утопический характер, ради его осуществления строились города, выигрывались войны, покорялся космос и поддерживался социальный порядок на огромной территории земного пространства. Человек нелегко расстается с мифами, которые обеспечивают социальный порядок, поскольку психологически трудно выносить социальный беспорядок и хаос переходных периодов. Этим объясняется тот факт, что даже сейчас многие из "сталинистов", хотя и не питая особой любви к Сталину, "считают нужным защитить его от нападок, поскольку для них изменение официальных оценок Сталина и его эпохи означает ломку привычных мифологических представлений о времени-пространстве, причинности, доблести и воздаянии за нее и так далее. "Сталинизм" современного российского человека в значительной степени есть реакция на атрофию мифотворческих способностей общества, на болезненный процесс демифологизации культуры - ее деградации и смерти" (3).

Подобные механизмы мифотворчества, если они выполнены искусно, с привлечением глубинных архетипов психики, таких как например, "отца", "мудрого старца", "героя-карателя зла", "титана-освободителя народа от страданий и нищеты" и пр. могут использоваться в регулировке политических предпочтений и формирования идеологических убеждений. Однако зачастую

черный пиар, без чувства вкуса и меры разрабатывающий программу оболванивания населения дискретизирует не только лидеров, которым служит, но и сам миф, выхолащивая его содержание и сведя его к откровенной лжи.

Существует универсальный миф, который вплетен в любой политический менталитет. Это переведенный в политику миф о мире, где есть место добру и злу. Человек имеет потребность как внутри себя, так и вовне разделять мир на полюса "правильного-неправильного", "хорошего-плохого" и пр..

Данный универсальный миф порождает многие частные. Если вождь — самый хороший и его идеи самые правильные, то он заслуживает того, чтобы за него отдавались жизни, а те, кто не идет за вождем, заслуживают расплаты, т.е. смерти. Иначе говоря, кумир — кровожаден и требует смерти как от лояльных, так и от нелояльных, как это подтвердилось в случае со Сталиным. Особенность политического мифа заключается в том, что после того как принята первая часть ("он — хороший"), миф превращается в "статую" и его логическое продолжение ("он — кровожаден") не принимается без критического отношения. Обратная связка — "он кровожаден", поэтому "плохой" проверяется, потому что человек свыкается и не хочет расставаться со сформировавшейся формой политической активности.

Другим универсальным мифом является то, что власть связывается с одной личностью. Вера в то, что отдельное лицо может нести бремя всех является разновидностью мифа, основанного на обожествлении личности. История показала, что проецирование на человека атрибутов божества, какой бы харизмой он не обладал, в конечном счете приводило к деструкции политического строя. Таким образом, миф является неотъемлемым компонентом политического менталитета как на стадии формирования этого менталитета, так и на стадии поддержания уже сформированного менталитета. Изменение мифа приводит к постепенной смене политического менталитета.

Время процесса разрушения мифа и смены политического менталитета не совпадает - между ними могут пройти годы. Рабство может быть отменено путем революции или освободительной войны, но для смены психологии взаимоотношений раба и господина потребуется поколение.

Необходимо заметить, что миф выполняет важнейшую функцию сакрализации властных отношений и в догосударственных примитивных социальных системах, где еще нет публичных институтов власти и государственного управления, однако неформальные властные отношения уже наличествуют, и проблемы управления первобытным коллективом имеют жизненно важное значение. Вера в особую силу власти, её обожествление — универсальная особенность человеческой культуры. Быстро развивающаяся область политологии - политическая антропология - обнаруживает удивительную закономерность в архаическом менталитете первобытных обществ, связанную с процессом сакрализации власти у самых разных этносов, проживающих в теоретически некоммуницируемых территориях Полинезии, Южной Африки или Америки.

Сакрализация власти, вера в её сверхъестественную силу - отличительная особенность архаического менталитета. Следует заметить, что даже в мощных тоталитарных системах, возникших в XX веке и имеющих явно выраженный атеистический уклон, сакрализация вождей и наделение их сверхъестественными силами с целью укрепления и усиления социального порядка, имела в своей основе ту же самую ментальность, которую политические антропологи обнаруживают в архаическом обществе. Сакрализация власти в архаическом менталитете выполняла функцию обеспечения социальных гарантий некоторых базисных условий выживания человеческого коллектива: целостности этносоциального коллектива, его сохранения во времени, воспроизводства существующих отношений и традиционных ценностей, защиты благополучия, угроза которому

проистекала из внешних и внутренних сил Хаоса, который мог разрушить данную племенную общность и свято охраняемый племенем общественный порядок. Эти внешние и внутренние функции ментальной защиты социального порядка вытекали из первичного дорационального переживания реальности как нераздельного чувственно-сверхчувственного единства. Земной и непосредственно данный порядок природы и общества оказывался органически встроенной частью невидимого, но столь же реального, космического порядка. Первичные "дологические" /Леви-Брюль/ или "пред-рассудочные" переживания и представления об изначальной гармонии земного и космического порядка, со всех сторон подвергающегося опасности разрушения со стороны темных сил хаоса, формировали в архаическом менталитете систему предписаний о должном и не должном поведении. Эта система соционормативного поведения в значительной степени формировалась благодаря механизму сакрализации, придающей обычным вещам и отношениям характер сверхценного почитания, непосредственно отражаясь в первобытной магии, мифах, ритуалах, обрядах и других формах публичного коллективного действия, исследуемых политической антропологией.

Для современного состояния изучения проблемы мифа как компонента политического менталитета наиболее плодотворным представляется переход от односторонне — когнитивистских теорий объяснительных функций мифа к исследованию его социальных функций конституирования и сохранения социального порядка. С этой точки зрения становятся особенно актуальными исследования видного представителя Лондонской школы антропологии Б. Малиновского. Еще в 40-ых годах прошлого столетия он выступил против понимания мифа как "дикарского гипотезирования о происхождении вещей, порожденное философским интересом". Основная функция мифа заключается "не в объяснении происхождения вещей, а в утверждении существующего порядка, не в удовлетворении человеческой

любопытности, а в упрочении веры, не в разворачивании занимательной фабулы, а в увековечивании тех деяний, которые свободно и часто совершаются сегодня и столь же достойны веры, как свершения предков. Эту тесную и глубокую связь между мифом и культом, эту прагматическую функцию мифа, состоящую в укреплении веры, ученые так упорно не замечали в своем непомерном увлечении этиологической, или объяснительной теорией мифа, что было совершенно необходимо подробно осветить её" (4)

Антропологическая реконструкция архаического менталитета в отношении власти у первобытных народов, осуществлённая на основе многочисленных "полевых исследований", позволяет заключить о двойственном, амбивалентном характере этих представлений. С одной стороны, власть воспринимается как выражение священного порядка, обеспечивающего мир и процветание, а с другой — заключает в себе опасность злоупотреблений. Здесь освященная субстанция власти как таковой отделяется от её носителя. Архаический менталитет часто фиксирует эту амбивалентность в ритуалах посвящения во власть, когда будущий вождь подвергается насмешкам, издевательствам и даже избиению, прежде чем племя даст свое согласие беспрекословно подчиняться и служить ему. Таким образом, вначале сакрализуется сама власть, а затем её носитель. Власть одновременно и благо /осуществляя антиэнтропийную функцию поддержания и защиты социального порядка/, но и зло, поскольку заключает в себе элемент принуждения, открывающий носителям власти возможность больших злоупотреблений.

Так, нацистская пропаганда связывала с образом фюрера миф, идентифицирующий его в качестве национального символа с немецким народом и его судьбой. В основе многочисленных культовых мифов и ритуалов того времени прослеживается насаждение веры в сверхъестественные способности вождей, т.е. их сакрализация. Благодаря мифам, усиленно создаваемым орга-

нами пропаганды, вожди тоталитарных режимов из интегрирующих общество национальных символов приобретали и наделялись атрибутами религиозных символов — всемогущества, бессмертия, вездесущности, спасителей, утешителей, высших судей и величайших покровителей нации и др. Присутствие образа Ленина в повседневном быту, название его именем городов, улиц, заводов, фабрик, в том числе парфюмерных или производящих сантехнику, превращало его в особенно дорогого, сверхценного объекта почитания и благоговения. Имеются многочисленные документальные свидетельства о вере простых людей в его воскрешение. Даже в 80-ые годы, люди, доведённые до отчаяния, не находя нигде защиты, оставляли "письма" Ильичу со своими жалобами на парапете у стеклянного гроба в Мавзолее.

Использование религиозной символики, мифов и ритуалов, сакрализующих власть и вождей, с одной стороны, при явно агрессивном "воинствующем атеизме" — с другой, можно однозначно интерпретировать в терминах теории гражданской религии, "религиозности без религии", выдвинутой выдающимся французским социологом религии Э.Дюргеймом(5). Не только в архаическом обществе, но и в наиболее поздних стадиях развития общество постоянно нуждается в мифах и ритуалах, выполняющих роль функционального эквивалента религиозной мифологии.

Литература

1. А. Чернышев, Вечные мифы России, "Знание-сила", 2, 2002, стр. 52-69.
2. The Psychology of War. The Image of the Enemy, R. W. Rieber (ED.) Plenum press, New York - London , 1999 p. 73-74
3. А. Чернышев, Вечные мифы России, там же, стр. 53
4. Б. Малиновский. Магия, наука, религия. "Рефл-бук", 1998, с. 84
5. E. Durheim. Elementary Forms of the Religious Life. Glencoe, 1954, p. 14.